

√ Родом из детства

«Солдаты моей деревни», – так называется исповедь «дитя войны» Юрия Степановича Брагина, вышедшая совсем недавно в нижегородском издательстве «Дятловы горы». Как характеризует это художественно-публицистическое издание сам автор – «это история одного фрагмента России и часто не замечаемых её бойцах-тружениках, о наших мужиках и бабах...».

Скажу сразу, книга меня искренне обрадовала. И прежде всего тем самым «ожогом правды» – так называется предисловие. И ещё своей документальной исповедальностью. В сборнике показана пронзительно правдивая жизнь целого поколения тружеников сельской глубинки военного и послевоенного времени. Пример этому рассказы «Мёд Победы» и «Убили папаню».

Содержательная часть сборника объединяет тридцать небольших зарисовок, главными героями которых является и сам автор со своими горькими исповедями и его друзья, родственники, люди, с которыми общался Юрий Степанович по жизни. Иллюстрации к книге, а это фотоснимки из семейного архива, рисунки необычно талантливой Елены Мочкаевой, портреты героев-односельчан и родственников – всё это документально раскрашивает повествование и придаёт ему достоверность.

Ну а главное достоинство этих трогательных очерков в том, что в них столько правдивой жизни и обжигающей сердце боли, что все искренне веришь и сопереживаешь вместе с автором. В этой деревенской прозе чувствуешь настоящую боль за исчезновение родных деревень и церквушек, невосполнимую скорбь от пропавших с карты крепких сельских хозяйств, которые возглавляли талантливые самородки-руководители, ещё недавно кормившие всю нашу Россию матушку...

Владимир ДОЛГОВ

Мёд Победы

– Катерина, где твой Юрка? – кричат нам в избу с улицы. – Скорее пусть бежит в Мирской пчельник, там Петян Суворов всех сирот войны бесплатно мёдом угощает...

Это было вскоре после 9 мая 1945 года. Немного, всего с десяток ульев, было на нашей колхозной пасеке. Да и взятки у пчёл с майских цветков всегда невелик. Словом, хлопоты с качкой не стоило бы и затевать. Да и говорили потом, что всего одну флягу мёда-то накачали. Но радость детям! Сиротам!! У кого отцы погибли на фронте. Этим детишкам прежде всего и строго по ведомости.

И вот умные люди в колхозе решили: в честь Победы в войне сделать праздник всем детям фронтовиков – сиротам.

А в деревне Скородумовке, сразу после войны, насчитывалось 110 домов. И в каждый второй дом живыми не вернулись чей-то отец, сын или брат.

А иные мужики и выжили в страшной войне и прислали в семью радостные весточки – да не приехали ещё из лагерей-неволи проклятой неметчины, с разных дальних фронтов, из госпиталей-больниц или со строгих военно-оборонных заводов.

...И вот все-все ребяташки с разнокалиберными кружками, глиняными чашками или кастрюльками побежали за мёдом. За самый большой и глубокий из четырёх в деревне – за Кульгин (Колхозный) пруд. Конюхи, доярки все зимы из проруби брали воду. За конный двор, фермы и за все колхозные амбары. На пасеку в Мирской пчельник.

Пока я тоже бежал на пасеку длинной деревней – навстречу уже шли по домам стайки отоварившихся.

Они бережно несли свои посудинки и весело кричали мне, чтобы торопился, а то мёда не хватит.

И вот Мирской пчельник. В толпе ребятни я было оробел. Но очередь шла быстро. Да меня узнал и позвал сам пчеловод Пётр Яковлевич Тимофеев – полулошному Петян Суворов. Они дружили с отцом. Дядя Петя пришёл с войны без правой руки по самое плечо.

Однако очень ловко, не пролив ни капли, дядя Петя зачерпнул из фляги

мёд и до краёв заполнил мне белую фарфоровую тарелку – память отца о Ленинграде.

И опьянил меня мёд. И прижал я тарелку к груди. И долго-долго шёл деревней. И все собаки подходили ко мне, удивлённо нюхали, но ни одна не залаяла и не укусила за ногу в пыли и цыпках.

Я принёс тарелку в дом и поставил на стол. И стал ждать с работы маму, с колхозного огорода. Чтобы дала мне кусок хлеба. И чтобы поесть мне хлеба с мёдом.

А хлеб у нас хранился в чулане у печки, на самой верхней полке. Тщательно завернутый в большую чистую холстину (от всех тараканов и мух) и под большой железной плоской – это уже от мышей.

Хлеб в доме всегда драгоценен. Даже если он более чем наполовину не из муки, а из гнилой картошки, клевера или лебеды. Пекла хлеб мама на четыре-пять дней, а то и на неделю. Нужда заставляла экономить на всех продуктах и дровах – летом мы и печку топили через два-три дня.

И вот обед. В зависимости от щей с мослами или постной похлёбки с квашеной капустой каждому был хлеб. Один

кусочек хлеба на весь обед. Всем поровну. Будто на весах мама взвешивала каждый кусочек. Только мне, как самому маленькому, кусочек хлеба выкраивали с коркой побольше. Чтобы эту корку я подкладывал под ложку и меньше хлеба проливал на стол – ели все из одной общей чашки.

Беда была с куском этого хлеба. Как я ни старался поменьше откусывать – всегда у меня первого кончался хлеб. И бабушка или мать подвигают мне свои половиночки куска. Мол, мы сами уже наелись. Пока-то брат, старше меня на восемь лет, ласковым подзатыльником или укоризненным взглядом не отучил меня съедать хлебные доли женщин за обедом.

Второе блюдо – кашу, поджаренную картошку на сковородке или картошку в мундире с капустой – тут всё без хлеба. Третье, чай на травах с огорода, без нормы и до отвала.

...Пришла наконец-то мама. Достала хлеб. И во весь каравай отхватила целый ломоть с коркой. И большой ложкой зачерпнула мёд. И раз, и другой пропитала мёдом тот ржаной кусок хлеба...

Мёд Победы. Мёд с ржаным хлебом. И семьдесят лет спустя я помню запах того лакомства. Незабываемого мёда-хлеба – святую память по нашему погибшему папане-санинструктору.

Убили папаню...

...Это случилось в начале августа 1944 года. В полдень яркого, солнечного дня.

Я был в огороде, в своём смородиннике-малиннике. В две чашки я рвал-собирал ягоды на обед. В одну – чёрную смородину, в другую – малину.

Причём с малиной в семье был целый ритуал. Самый первый десяток покрасневших ягод малины я обязательно приносил на общий обеденный стол. И высыпал ягоды в единственную белую тарелку в семье – память папани о Ленинграде, куда он ещё до моего рождения уезжал было работать, но вернулся в деревню к семье.

А коза у нас хорошо доилась, не только утром и вечером, но и в полдень. Мама доила её, будто корову, три раза на дню.

И вот горсть собранной мною малины заливают молоком. Это третья, за-

вершающее обед блюдо. Но мне всегда кажется, что малины очень мало. И я крошу в тарелку полкуса любого, ржано-картофельного или из лебеды хлеба. И сам никогда не буду есть, пока хоть по единой яголке не почерпнут мама с бабкой. Больше они никак не хотят, говорят, что наелись этой малины задолго до моего рождения и что по целым ведам набирали тогда малины. И что малина тогда была крупнее, и разная: красная и жёлтая. А у нас нынче почему-то вся жёлтая малина пропала, скорее ты вырастай да разводи новой...

И мама с бабкой, всегда почему-то пригорюнившись, смотрели на меня, а я хлебал и никогда не наедался досыта этой так мне нравящейся малиновой тюрей.

На этот раз ягод было много: в одной чашке смородина, а малина и в тарелке, и в берестяном отцовском туюске. Только бы мама от козы Розы молока побольше надоила, а ягод сегодня всем на обед хватит...

Да почему же меня не зовут обедать? Обещали же. А слышен у дома громкий разговор нескольких женщин. И вдруг душераздирающий вопль бабушки Луши:

– Убили!! Убили сыночка-кормильца Стёпушку! И всё эти людоедные германцы. Деда когда-то до полусмерти,

а сынка его до смерти. Как нам теперь жить-мучиться без нашего кормильца?..

У меня мороз по коже. Ноги отнялись, будто ватные. Кое-как встал, поковылял на проулок. При виде меня охи-причитания усилились. Обнимая, меня пустили по кругу. Бабушка зашла в плаче-причитаньях, а мама стояла, как в столбняке. В руках у мамы казённое извещение – оно навечно в моём пенсионном деле, два-три слова, чернилами написанных, в кляксах. Это от слёз мамы и бабки, это слёзы наших матерей по убиенным воинам...

А поллиста казённой бумаги со штампом, печатью и двумя подписями переходят из рук в руки. И вслух для всех перечитывается наполовину печатный, а наполовину неяркий чернильный текст:

«Уважаемая Екатерина Ивановна! Ваш муж, старшина медицинской службы Брагин Степан Михайлович, 1903 года рождения, уроженец д. Скородумовка Лукояновского р-на Горьковской обл., в боях за социалистическую Родину, верный воинской присяге, героически погиб 28 июля 1944 года в х. Н.Сёлки Зборовского р-на Тернопольской обл. и похоронен в братской могиле. Данное извещение является основанием для возбуждения о назначении пенсии».

Печать. Подписи.

Вскоре, через несколько дней, в том же августе сорок четвёртого, наша се-

мья получила второе письмо о папане, тоже из таинственной полевой почты.

«Здравствуйте, вся семья Брагиных! Я всех вас хорошо знаю по письмам и рассказам дяди Степана Брагина. Знаю самого малого Юру и его козлят, дядя Степан читал в лазарете нам, тяжелораненым, письма сына».

Если бы вы знали, какой был дядя Степан! Меня он буквально спас: загордил собой, но сам не выжил.

Если я буду живой, а война скоро кончится в самой Германии, я приеду в вашу семью и много-много расскажу про дядю Степана, как он спасал нас, раненых.

Мл. лейтенант Воробьёв».

Сразу же сначала первое, а потом и второе письмо написала незнакомому лейтенанту Воробьёву наша молодая семнадцатилетняя учительница Анна Степановна Брагина. Ответа не было. То ли сменился адрес лейтенанта, то ли... Очень коротка была жизнь у лейтенантов на фронте, это мы знаем хотя бы по беспощадно правдивым вестям бывшего лейтенанта-артиллериста, народного писателя Белоруссии Василия Быкова.

«Дитя войны», в 1944 году, в шесть своих лет, я ещё не представлял всех бед-горестей, ожидавших меня в жизни. Гибель папани на войне я как бы и не заметил – я занят был подготовкой к школе.

Юрий БРАГИН
г. Нижний Новгород

